

Про шмелей и не только

Столько снега... Не жалко — бери.
За окошком стоят ноябри,
На скамейках ночуют метели,
Или это шмели поседели,
Облетели, в траву залегли?

Столько счастья, что верю с трудом.
Замирает от нежности дом,
Запирает шмелиные соты.
Разложи меня, милый, на ноты,
Отложи тишину на потом.

Подыши на меня, разморозь,
Если вместе — безвыходно врозь,
Так забей глубоко и умело
В легкомыслия жаркое тело
Обожания чувственный гвоздь.

Чтобы радость и грусть невпопад,
Чтоб скрипичная горечь утрат
Отозвалась смычком голубиным,
Чтобы наши с тобой половины
До утра заметал снегопад,

Чтоб звучала небесная медь...
Столько снега — что плакать и петь.

А снег летел наоборот

Слова пригнулись, взяв разбег
От губ. Дорог не различая,
По улицам пронесся снег,
Как сок по жилам молочая.

Я штопала молчаньем рот,
Топтался шепот у порога.
А снег летел наоборот
И осторожно небо трогал.

Окна покачивая гладь,
Сплетались нити белых кружев,
И было страшно — не терять,
А жить — потерь не обнаружив.

Снег был растаскан на клочки
Со временем, такое дело.
А грусть проникла сквозь зрачки,
Помедлила... И улетела.

Сезанн

В размытых красках толка нет —
Сплошное крошево эмоций.
Весенний бред, неясный свет,
Но так пульсирует и бьется,
Что подпеваешь. Вторь не вторь —
Теперь и ты заложник смуты,
А нерешительность и хворь
Испиты и сиюминутны.

Размякнешь от случайных слов,
И что-то екнет в сердцевине —
Так зарождается любовь
К непредсказуемости линий.

И вот — разруха и обман —
Весны разграбленная Троя.
А в облаках — Сезанн... Сезанн —
И обещание покоя.

И большего не требуй

Весна... А большего не требуй.
И так чем дальше — тем светлей
Куски застиранного неба
В ажурной пене тополей.

Шумит, выбалтывая тайны,
В ручьях — как в чайниках — вода.
Блестят на солнце ус трамвайный
И влажных веток провода.

А как играет воздух зыбкий,
В одну симфонию смешав
Полутона, полуулыбки,
И юркий след карандаша...

Пусть жизнь до слез обыкновенна,
Тем восхитительней сюрприз —
Пропахший фруктами Гогена
Весенней улицы эскиз.

Меня здесь больше нет

Меня здесь больше нет. Не больше и не меньше
Песка на берегу, ракушек на песке.
Кричат со всех сторон покинутые вещи
По-птичьи — на простом, понятном языке.

Как море прячет свет, как голову роняет
Заплаканный закат — почти не разглядеть:
Посмотришь и пропал — от края и до рая —
Уже не то, что жизнь (совсем не то, что смерть).

Меня здесь... Ни меня, ни возгласа, ни тени,
Ни тяжести слепых, нагретых солнцем плит,
Ни трепета в груди, ни книжки на коленях —
Вкус яблок на губах. И больше не болит.

На закате

Вроде плакать о прожитом рано...
Слишком остро осенней порой
Пахнет яблоком, медом, шафраном,
Увяданием и красотой.

Этой прелестью обезоружен,
Ты глядишь в обессиленный сад.
Сердце бьется спокойнее, глуше
И вливается в хрупкую душу
Обжигающий листья закат.

Размышляя о жизни и смерти,
Вздогнешь: значит, бессмертия нет?
Бог услышит, правдиво ответит,
Улыбнется и выключит свет.

Алое на сером

Туман. Изюминки ворон.
Над колокольней вышит крестик.
В таком забытом богом месте,
Где тишь да хмарь со всех сторон,

Острее память, слаще яд
Семейных радостей безгрешных.
В саду чернявые черешни
В листве обглоданной стоят.

Упорно тащит муравей
Свою соломинку пустую,
Под вечер в теплый дом несу я
Уставший ветер в рукаве.

Здесь вечер нежен и кровит
Закат. Рукой подать до рая.
Здесь жизнь — от края и до края —
Лишь ожидание любви,

А наш сердечный перестук
Нестихотворного размера —
Всего лишь средство от разлук,
Всего лишь алое на сером.

Не робей

Опять осеннее бессилье —
Дождь со слезами пополам.
Деревья складывают крылья
И прижимаются к домам.

Река туманами болеет
Немеет звонкая вода,
А я люблю тебя сильнее
И беззаветней чем всегда.

Пусть небо ниже, ближе, строже,
Но ты мой ангел, не робей,
Пока на ветке врет безбожно
Неперелетный воробей.

Мы чистим снег

Я и весна — плечо к плечу —
Счищаем снега позолоту

С крыльца. И весело грачу
Смотреть на спорую работу.

В груди от смеха горячо,
Поет, гудит спины подкова.
А дом качается свечой
В наростах воска ледяного.

Гремят по кровлям жемчуга,
Мелькают инея скорлупки.
Летят танцовщицы Дега,
Взметая газовые юбки.

Стекает вечер в желоба.
Темнеет намертво и сразу.
Слабее ветер. Но труба
Еще твердит глухую фразу.

Вернусь домой — прижми к груди,
Отбрось тоску едва початой.
Мой рот малиновый найди
И на пороге распечатай.

Суббота. Хлопоты

Суббота. Хлопоты... Поет
Крыльцо простуженно и грустно.
Заиндевшее белье
Хрустит как свежая капуста.

Цветет за окнами батист,
Струится шелк, сияет хлопок.
Вплетает ветер тонкий свист
В шушанье елочных иголок.

Огонь бормочет о своем —
Печальном, нежном, дивном, дальнем.
Снег пахнет небом. Ночь — углем.
Ты — морем, августом, желаньем...

О начале

Оставшись, я уже не убегу.
Мы будем жить с тобой на берегу,
Делить еду и легкую работу,
Перебирать задумчиво песок,
Рожать детей, креститься на восток
И соблюдать, как водится, субботу.

В кувшине глина. В облаке вода.
Рука в руке... Прощать и обладать,
Чтоб не терять необходимый трепет,
Не в этом ли святая благодать?
(Когда в саду распустится беда,
Заголосим, но губы не разлепим.)

Я не о том, любимый, не о том.
(Уносит море тело, память, дом,
Знакомые до обморока лица.)
Я о начале. Все-таки уйду.
Остаться — это значит на беду,
Как и на счастье — взять и согласиться.

Давай, улыбнись

День полон Шагалом и хрупкой листвой,
Дрожащей от смеха и ветра,
И мы вдруг становимся сами собой
Безудержно и беззаветно.

Ах, как удивляются сквер и вокзал,
И все бесполезные вещи —
Над улицей люди (Шагал, так Шагал) —
Цветными шарами трепещут.

По парам и врозь. Улыбаясь и нет.
Промокшие, легкие люди
Пронесются, трогая щеки планет
И млечные звездные груди.

Сегодня, любимый, наш первый полет,
Пусть ты опечален и болен,
И пусть за туманом окрестных болот
Не видно плечей колоколен,

Давай, улыбнись. Изумится народ,
Трамвай громыхающий взвизгнет,
А небо подхватит тебя и спасет
От всепоглощающей жизни.

Жизнь проходит

Закатилось солнце под восток.
Вот и мне бы заново родиться.
Календарь роняет лепесток,
Будто небо раненую птицу.

Синий вечер, сумрачен и прян,
Колоколит праздничное «амен».
Из душистых лаковых семян
Прорастают облако и камень.

Не понять — где радость, а где злость.
Отобрав надежду без остатка,
Жизнь проходит. Мимо или сквозь —
Все одно — мучительно и сладко.

Мы вырастим радость

Из окон открытых — то птицы, то скрипки,
Ты вдруг понимаешь — попался и влип.
Несется весна с торжествующим криком —
Бубенчик, малиновка, жалоба, всхлип.

На тонких ногах разбегаются травы,
Кузнечики звонкие точат ножи,
Стихи сочиняются слева направо,
И все как обычно. Но хочется жить.

Бушуют в груди несказанные строчки,
Дождем расцветает небесный зрачок,
Я знаю — ты плачешь. И слушать не хочешь.
Играй, мое счастье! Берись за смычок.

Мы вырастим радость как лук на балконе —
Под грохот дождя, говорок половиц...
Весна — это страшно, весна — это больно,
А грудь не вмещает вернувшихся птиц.

Утешь меня, слово

На улицу б вышла, да улицы нет,
Как холодно улицы без.
Моих дорогих собеседников след
Вот только что был — и исчез.

Ушел, зацепившись за шляпку гвоздя,
Ни с чем не сравнимый покой.
А я повторяю — бояться нельзя,
И голос колотится мой
О стены, о кровли, о неба клобук,
Летит бестолково на свет,
А время идет и ломает каблук,
И вот уже времени нет.

Не жизнь, а потеха — гремят жернова,
Швыряют в несытую брешь.
...А слово услышу — и снова жива.
Утешь меня, слово, утешь.

Первые слова

*Во всем мне хочется дойти
До самой сути.
Б. Пастернак*

Ах, как мечталось заболеть поэзией. Дойти до сути,
Пока улыбчивая смерть играет шариками ртути
Еще не высказанных слов. Пока накатывает жажда,
Которая всегда — любовь, а все, что не любовь — не важно.

И были первые слова — тугие, гладкие оливы,
И мы с тобой — как дважды два — не скучны, противоречивы...

Хоть нам уже немало лет, чтобы чему-то удивиться,
Но оказалось — сути нет. Изголодавшаяся птица
С ума веселого свела, сжила с наскучившего света.
Все неотложные дела — отпущены и недопеты,
Все в грудь вошедшие слова — неразорвавшиеся пули.
А что — Поэзия? Жива. Хоть в этом нас не обманули.

Поэт

Жизнь кладет в тебя закладку, загибает уголок.
Чай вприкуску, сон вприглядку, выше крыши потолок
Расписной. Твое пространство ограничено весной,
Время — праздником и пьянством. Песня — кровью горловой.

Неба скомканная простынь. Проспиртованный закат.
Ты стоишь травой исхлестан от распятия до пят.
И летят святые звуки над синюшною водой.
Бог берет тебя на руки и рыдает над тобой.

А вокруг пятном родимым соловеют Соловки.
И текут стихи на диво беззаботны и легки —
Из больничных коридоров, темных взглядов, жадных ртов
В безвоздушные просторы под названием любовь.

Когда человек смеется

Очнемся — темно и рано. Откроем на небе свет.
Поставим на стол стаканы, да силы на радость нет.

Когда человек... Непросто — решиться: теперь — пора.
Покатимся как наперстки в шершавый пролом двора,
Из сумрачного «все в прошлом» — в ошибку и кутерьму,
Где осень мешает ложкой распаренную хурму,
Где листья глотают ямы, где ветер летит в плаще,
Где дворник еще не пьяный, а праздничный и вообще.

Когда человек смеется... Ты знаешь, я даже рад,
Что все холоднее солнце (зато беззаботней взгляд).
Из окон — то брань, то Шнитке, то юшка, то контрабас.
Оглянемся на пожитки, взлетим и... помилуй нас!

А после

Еще цветет чертополох —
Ты маленький. Пчела и лето.
Но зазеваешься чуток,
И — оглянись — земля раздета,
Распахана. В груди дыра,
А под младенческой кожей
Горят с рожденья до утра
Костры — на бабочек похожи,
И чудится в прохожем Бог,
Когда глядит светло и грустно.

А после — солнечно и пусто.
И вечность. И чертополох.

Пропала

Чуть осень — чувствую, пропала —
Пусть ветер сух и небо ало,
И ночь расписана углем,
Но все же, Господи, как мало
Огня в урочище твоём.

А эта осень — только повод...
На части белый свет расколот,
Лишь ты, как маковка, внутри,
Все остальное — лед и холод,
Хоть весь до ладанки сгори.

Но разве жаловаться смею?
(И счастья нет, и слезы злее,
И тонет истина в вине.)
Но там, в пугливой глубине,
Трепещет бабочка-Психея,
На время выданная мне.

Все остальное

Приходишь домой. Снимаешь пальто.
Сядишься. Читаешь меня взахлеб.
А память сначала молчит, потом
Ее колотит озноб.

За то ли, что я далеко, за то,
Что сам виноват? (Погоди, не трись!) —
Приходит, садится бочком за стол
Твоя шершавая грусть.

Но кто-то — разбитым стеклом: «Не трожь
Ее, эта роза суха!» И ты
В стакан наливаешь крутую ложь,
Зовешь другие цветы.

О прошлом, о правильном, о простом
Хоть пой, хоть в запой — позабыть нельзя.
Моя пустота — за твоим столом,
А все остальное — зря.

Хочешь придумаем

Хочешь придумаем дом у дороги,
Чтобы проснулся — и рад.
Дождь, опираясь на тонкие ноги,
Выйдет в заплаканный сад.

Вскрикнет во сне потревоженный ослик,
Медно откликнется таз.
Хочешь придумаем раньше и после,
Чтоб не кончалось сейчас?

Капля за каплей — не дождь, а варенье —
Слива, инжир, алыча.
Счастье садится к тебе на колени,
Солнце сползает с плеча.

Сколько их нужно — тревожных и нежных —
Капель, созвучий, цветов?
Это — стихи. Так снимай же одежды
С разоблачающих слов.

Прикосновений тихие слова

До тишины — дотронуться рукой.
Дыши, дыши. У времени — затишье.
Пока во сне посапывал покой,
В домашних тапках — синий и густой —
Собрался дождь. И на веранду вышел.

А начиналось — робко и едва —
Качнула воздух голая листва,
Слепое небо вздрогнуло, набухло,
Разбило каплей каплю — и давай —
Прикосновений тихие слова
Накрыли и расставили по буквам.

...Под утро — голод, пара долгих нот,
Следы дождя на улицах и лицах.
Так хорошо, что кажется вот-вот
Внутри меня от счастья запоет
Твоя незаживающая птица.

Горошина

У разлуки привкус вина и плоти
Нам с любовью этой одна морока
Ты попробуй спрятать меня за щеку
Потому что вкусно. И я не против.

Если утром каждым, едва проснувшись,
Теребить губами горошин вишни,
Расцветут от радости груди груши.
Только где та радость? Была и вышла.

Только где то утро? Гляди, как свищет
Тополиный ветер, спаси нас, боже.
Не жена — скорее — вода и пища,
То-то голод гложет и жажда тоже.

Подожди раскачиваться от грусти,
Повторять потерянное «не надо».
Ты ж мою горошину не отпустишь?
Положи за щеку меня — и ладно.

Заскулю улыбочивою собакой,
Неужели, дескать, мы снова вместе?
И постелит боженька поле маков
И про нас напишет вот эту песню.

